

Они шли, беседуя, и незаметно подошли к какому-то постоялому двору. Гу Юаньлинь поднял голову и прочитал вывеску: «Юэлай». Стоявший у входа парень-слуга тут же торопливо подбежал поприветствовать их и взял под уздцы коней.

Едва они переступили порог, как к ним тут же подскочил второй слуга с любезной улыбкой:

— Уважаемые гости, вам отдохнуть с дороги или снять комнату на ночь?

— Эй, голубчик, для начала принеси-ка кувшин доброго вина да выставьте ваши фирменные блюда, — первым откликнулся Гу Юаньлинь.

— Сию минуту! Садитесь вон за тот столик у окна, угощение в мгновение ока будет готово!

Гу Юаньлинь и Юнь И выбрали места у окна и присели.

Вино и еда появились на столе очень быстро. Гу Юаньлинь налил Юнь И чарку и, с легким любопытством в голосе, спросил:

— Судя по мягким и изысканным манерам брата Юня, ты совсем не похож на человека из мира цзяньху, а скорее смахиваешь на молодого господина из знатной семьи. Позволь узнать, что привело тебя в эти края?

Юнь И поблагодарил его, взял чарку и сделал небольшой глоток:

— Брат Гу, оставь свои шутки. Не стану скрывать от тебя... скажи, доводилось ли тебе слышать о «Каноне Печали и Разлуки»?

Услышав это, Гу Юаньлинь внутренне вздрогнул, а на его лице промелькнуло замешательство. Снова этот «Канон Печали и Разлуки».

— Лишь краем уха.

Юнь И уже собирался продолжить, как вдруг услышал, что несколько человек за столиком поодаль от них бурно что-то обсуждают. Судя по всему, речь шла как раз о «Каноне Печали и Разлуки». Юнь И и Гу Юаньлинь переглянулись и сразу поняли друг друга — они затаили дыхание и прислушались.

— Послушайте, что это вообще за сокровище такое — этот «Канон Печали и Разлуки»? Из-за него прямо-таки штормит весь цзяньху! Я вот бреду из самого Цзиньяна, и всюду только и слышно, что разговоры о нем, — во весь голос заявил один дюжий детина.

Другой мужчина, худощавый на вид, опрокинул в себя чарку вина и самодовольно произнес:

— Эх, всего-то ты и знаешь! Пару месяцев назад в цзяньху пошел слух, будто среди просторов боевых искусств затерялся тайный трактат под названием «Канон Печали и Разлуки». Говорят, это священная реликвия буддизма, а изложенные в ней боевые искусства невероятно глубоки. Обычный человек, постигнув их, укрепит тело и здоровье, а тот, кто уже владеет боевыми

искусствами, совершит такой рывок в развитии, что сможет безраздельно властвовать во всем цзяньху!

— О? Неужто и впрямь так чудесно? — услышав это, остальные за тем же столом разом преисполнились любопытства.

Этот «Канон Печали и Разлуки» обладал чертовски сильным притяжением для кого угодно. Если кому-то посчастливится заполучить эту священную реликвию, то, боюсь, впереди его ждет вовсе не сладкий сон о власти над миром, а бесконечные беды. Теперь, когда «Канон Печали и Разлуки» объявился в миру, он неминуемо вызовет кровавую бурю в цзяньху.

— Говорят, некогда кое-кто действительно заполучил этот «Канон Печали и Разлуки» и стал великим мастером своего поколения. Впрочем, сейчас в цзяньху едва ли сыщется хоть кто-то, кто воочию видел этот трактат, так что правда это или вымысел, я и сам не ведаю. Однако, — мужчина резко сменил тон, разжигая аппетит слушателей, и внезапно понизил голос: — Однако, судя по слухам, эта весть пришла из Культа Демонов Гуаньвая, и по большей части она правдива. Сейчас многие секты и мастера цзяньху втайне оспаривают его друг у друга, да и я слышал, что немало тамошних сект уже стянулись в земли Цзяньху Центрального Китая, желая урвать свой кусок пирога!

Выслушав эти толки, Гу Юаньлинь невольно рассмеялся:

— Властвовать над цзяньху? И такую околесицу кто-то готов верить?

Пусть он и не зачитывался романами о боевых искусствах, но прекрасно понимал: у того, кто изрыгает подобные речи, явно не все дома. Пусть в цзяньху далеко не каждый обладает высочайшим мастерством, но по крайней мере половину можно отнести к тем, чью силу нельзя сбрасывать со счетов. А чтобы взобраться на самую вершину, нужны не просто навыки, позволяющие биться в одиночку против сотен противников, — нужна еще и голова на плечах.

— Брат Гу тоже находит это смешным? Но верящих в такие слухи на самом деле предостаточно, и они уже подняли немалую волну в цзяньху. В конце концов, сама идея властвовать над боевыми искусствами слишком притягательна — пожалуй, даже мне захотелось взглянуть, что это за вещь такая, — на лице Юнь И проступила легкая тень беспокойства.

Услышав это, Гу Юаньлинь тоже осознал всю серьезность ситуации: судя по всему, тот, кто распустил эти слухи, преследует нечистые замыслы и жаждет взмутить воды цзяньху. При этой мысли он невольно нахмурился.

Заметив, что его собеседник помрачнел от этих забот, Юнь И поспешил сменить тему:

— Прости, брат Гу, что испортил тебе настроение. Скажи лучше, что все-таки привело сюда тебя самого?

— О, пустяки, — Гу Юаньлинь пришел в себя и вежливо улыбнулся ему. — Я путешествую ради удовольствия. Раньше из-за слабого здоровья мне никогда не доводилось уезжать далеко от

дома, но теперь, когда я поправился, я решил изведать знаменитые горы и великие реки, повидать этот необъятный мир.

Слушая его слова, Юнь И невольно мысленно восхитился, а когда снова посмотрел на Гу Юаньлиня, в его глазах промелькнуло даже легкое завистливое удивление:

— Брат Гу и впрямь похож на вольного странника из цзяньху, живущего на широкую ногу! Ну-ка, я выпью за тебя.

— Отлично! Давай, до дна.

Гу Юаньлинь осушил чарку досуха, но стоило Юнь И сделать глоток, как он тут же зашелся в яростном кашле.

— Ты как? — испуганно глядя на него, Гу Юаньлинь поспешно принялся наливать ему чаю.

— Н-ничего, все в порядке... Просто я... не мастак пить вино, пусть брат Гу не смеется надо мной.

С этими словами его бледные щеки покрылись легким румянцем — то ли от вина, то ли от чего-то еще, заставив Гу Юаньлиня на мгновение замереть от растерянности.

— Не умеешь пить — не налегай, я же не собираюсь над тобой смеяться. Давай заменим вино чаем, и хватит с нас этого хмельного, — Гу Юаньлинь отодвинул кувшин в сторону. — И кстати, хватит звать меня братом Гу, от этого как-то неловко. Гляжу я на нас — мы ведь ровесники, давай лучше ты будешь звать меня А-Юань, идет?

В словах Гу Юаньлиня таилась доля личного мотива. На самом деле он с трудом помнил то, что происходило до пятилетнего возраста, но смутно припоминал: когда он был совсем крохой, мама часто играла с ним игрушками, заставляя смеяться, и ласково звала его А-Янь, покачивая погремушку перед лицом. С тех пор никто и никогда больше так его не называл.

Сказав это, он сделал вид, что ему все равно, взял чашку с чаем и украдкой покосился на Юнь И, в глубине души опасаясь, не показался ли он слишком навязчивым и не оттолкнет ли это Юнь И. Каково же было его удивление, когда Юнь И радостно улыбнулся:

— Прекрасно! Тогда и брату Гу не стоит называть меня братом Юнем, зови просто Юнь И.

— Договорились, — Гу Юаньлиню сразу стало намного легче на душе.

— А-Юань, а ты не задумывался, кто стоит за этим «Каноном Печали и Разлуки»? — Юнь И казался крайне встревоженным.

— Ничуть, — Гу Юаньлинь только-только ступил на тропу цзяньху и пока ничего в этом не смыслил.

Юнь И слегка подался к нему и понизил голос:

— По моему разумению, тут наверняка замешан Культ Демонов. Они уже давным-давно точат зубы на Цзяньху Центрального Китая, это определенно очередной их трюк, чтобы посеять смуту среди праведников.

— Не ожидал, что столь юный Юнь И так хорошо разбирается в делах цзяньху, — Гу Юаньлинь невольно проникся к нему еще большим уважением.

— Ох, А-Юань, перестань подшучивать надо мной, все это мне отец рассказывал. Пусть я не какая-то там великая персона, но с молодых ногтей дал себе зарок вершить правосудие и стоять на страже праведного пути цзяньху. И раз уж Культ Демонов зашевелился, а в цзяньху вновь запахло порохом, разве могу я сидеть сложа руки?

В этот момент в глазах Юнь И зажглись искорки, словно там мерцали далекие звезды. Гу Юаньлинь прежде никогда не доводилось встречать столь чистый взгляд, и он на мгновение остолбенел.

Едва они заговорили об этом, как у входа на постоянный двор показался крупный мужчина. Вид у него был свирепый, на щеке красовался шрам, за поясом торчал широкий нож, а голову прикрывала соломенная шляпа.

Войдя, он чуть надвинул поля шляпы на лоб и низким, хрипловатым голосом бросил слуге:

— Снять комнату, дайте мне лучшие апартаменты.

С этими словами он окинул взглядом окрестности и тут же зашагал вверх.

Следом за ним вошло еще несколько человек в дорожных одеждах конюхов, которые тоже собирались остановиться на ночлег. Однако шаги у них были легкими, а осанка и манеры — из ряда вон выходящими, так что простыми конюхами тут явно не пахло.

Гу Юаньлинь и Юнь И переглянулись, без слов понимая друг друга: эти люди определенно с душком!

Юнь И тихо произнес:

— А-Юань, с этими типами точно что-то не так. Чую, тут замешан «Канон Печали и Разлуки». Я остаюсь здесь, надо разузнать, что будет дальше.

Гу Юаньлинь на мгновение задумался. Хоть ему и не улыбалось ввязываться во все эти дела, он опасался, что Юнь И, останься он один, окажется в уязвимом положении, а потому в конце концов решил остаться вместе с ним. Не дожидаясь, пока Юнь И опомнится, он взмахом руки подозвал слугу.

— Эй, голубчик, — Гу Юаньлинь сунул ему в руку серебряный слиток. — Нам нужны две лучшие комнаты, поближе к тому гостю в соломенной шляпе. Только без шума, а сдачи не

надо.

Слуга расплылся в улыбке от уха до уха:

— Будьте спокойны, уважаемые господа, все сделаем в лучшем виде!

Увидев, что Гу Юаньлинь остается, Юнь И выглядел весьма довольным, но все же с легким недоумением спросил:

— А-Юань, я-то думал, ты вовсе не хочешь ввязываться в эту историю? Отчего же передумал и остаешься?

Гу Юаньлинь пожал плечами с самым беспечным видом:

— А то как же? Оставить тебя одного расхлебывать дела с этими амбалами? Ты же мой первый товарищ на тропе цзяньху, не могу же я проявить такую бессовестность.

Похоже, Юнь И никак не ожидал услышать подобное от Гу Юаньлиня. В его чистых глазах промелькнуло удивление, которое тут же сменилось искренней радостью. Он легко усмехнулся и, глядя на Гу Юаньлиня самым серьезным взглядом, произнес:

— А-Юань для меня — тоже первый товарищ в цзяньху.

Небеса уже погрузились во тьму, ночной купол раскинулся бескрайним шатром, где одиноко сияла лишь луна, а звезды робко мерцали где-то вдали.

Гу Юаньлинь и Юнь И вернулись по своим комнатам. Слуга выполнил поручение на совесть, поселив их как раз по соседству с тем мужчиной со шрамом. В эту минуту обоим было совсем не до сна — они лежали на постелях в одежде, не смыкая глаз и чутко прислушиваясь к любому шороху за стеной.

Эта ночь обещала стать бессонной!

<http://bllate.org/book/21865/2269490>